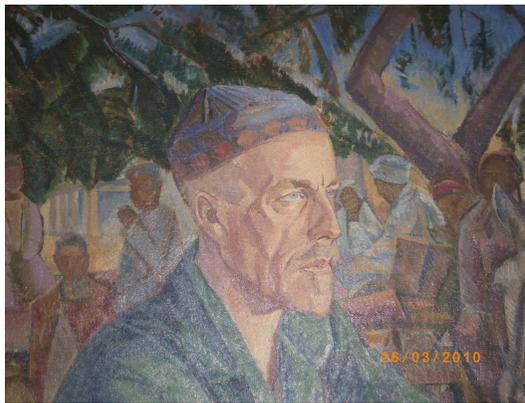

Лариса Алексеева
Цвет винограда

О Юлии Оболенской и Константине Кандаурове
(продолжение)

Выписывая двойной портрет на фоне эпохи, трудно не увлечься героиней, поскольку ее эпистолярная художническая «автобиография», а хотите — исповедь — не только выстраивает сюжет, композицию повествования, но и окрашивает его эмоционально, делая образ более выразительным. Но пора, соблюдая принцип парности, взглянуть пристальнее и на второго героя.

Ю. Л. Оболенская. Портрет К. В. Кандаурова. 1925. Холст, масло.
Частное собрание. Публикуется впервые

Тем более, что именно его личность и «линия жизни» для Оболенской всегда были на месте первом. Человек из XIX века, дворянских корней, дворянского воспитания, в котором классика не переродилась в архаику и сохраняла молодость, неизменно проступая в благородстве вкуса, чувств и поступков.

© Larissa Alekseeva, 2011

© TSQ 35. Winter 2011 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

Продолжение. Начало см.: TSQ 29 и TSQ 32.

«Московский Дягилев»

Мой милый, милый, живи, выполняй свою мечту о выставках и т. п. Это великое дело и не надо, чтобы временные неприятности затемняли твой путь.(...) У тебя исключительный дар и ты его не можешь зарывать, он нужен всем и ты послужишь любимому делу, если развяжешься с театром. Довольно ему бессмысленно отнимать твои силы. Будь бодрым и ясным, мое солнышко, и свети всем.

*Ю. Л. Оболенская — К. В. Канадунову
30 октября 1914*

Данное друзьями шутовское прозвище означало, конечно, не масштаб и размах деятельности выдающегося современника Канадурова, а ее характер, связанный с желанием художественных открытий и стремлением «заразить» эстетическим переживанием как можно больше людей.

К. В. Канадуров. 1900-е. Фотография из архива К. А. Канадуровой

К этому времени в искусстве уже возникла потребность не только самопрезентации, но и внешнего отбора, экспертной оценки художественного материала, его структурирования в рамках той или иной выставки, когда опыт и вкус ее организатора играют не последнюю роль. Находясь внутри художественного сообщества, такой человек сочиняет свой «текст», представляя не только отдельное произведение или автора, но и актуальный срез восприятия искусства, его панорамное видение.

В современном мире это стало популярной профессией куратора, менеджера от культуры, т. е. специалиста в области искусства элитарного или массового, не без выгоды продвигающего разного рода артпроекты или артпродукты — кому что удастся или получается.

Константин Васильевич — один из первых представителей этого рода деятельности в пору, когда она еще не была поставлена на поток и занимались ею больше по любви, чем за деньги. Впрочем, как однажды написал Волошин, Кандауров совмещал в себе идеалиста с жизненно практическим человеком — дельцом. Юлия Леонидовна приводит трогательные свидетельства деловой смекалки Константина Васильевича: желая обратить внимание публики на ту или иную работу, он порой вешал рядом с ней табличку с надписью «продано».

Профессия галериста, куратора, «транслятора» искусства — профессия одиночки, к которой он чувствовал азарт: находить самоцветные камушки-фермапиксы, увлекаться ими, держать в ладонях, показывая всем. Вкус, чутье, страсть коллекционера и театральность, жажда публичного представления произведений искусства на выставочной сцене делали Кандаурова особенной фигурой, в которой сочеталось бескорыстие с умением зарабатывать деньги самому и помогать в этом непростом деле художниками. Здесь он действительно мог творить свое, как режиссер в театре: моделировать художественное пространство, ставить свет, наблюдать публику, воздействовать не ее восприятие, срывать аплодисменты. Немножко волшебник, как сказали бы в романтическое время, или мейджмейер — в практическое.

Вместо актеров — картины и стоящие за ними художники. И к Оболенской изначально интерес именно профессиональный, хотя, конечно, мужским своим обаянием Константин Васильевич не преминул воспользоваться сразу. Способная девушка — как

помочь ее таланту, сделать из нее настоящего художника? При этом смешение чувств: ответственность за эту полубарышню-полуподростка, которой не хватает человеческой теплоты и мудрости, и растерянность — от ее движения навстречу, когда уклониться уже невозможно. Она — виноградная лоза, которой, чтобы расти, нужно направление, опора, нужны глаза, внимательные, заинтересованные и... такие синие.

«Мы то, на что мы смотрим»

Твое дорогое лицо будет для меня всегда прекрасным и молодым, какие бы следы не накладывали болезни и время, хоть в 90 лет! Ты считай, что положил его в мою душу на сохранение — и что бы ни случилось, найдешь его во мне не изменившимся.

Оболенская — Кандаурову.

14 октября 1914

Вынесенная в заголовок фраза, сконструированная И. Бродским по аналогии с высказыванием древних, точно передает значение визуальных впечатлений и образов в человеческом восприятии как имманентных, сущностных. Мы не только верим тому, что видим, но, до некоторой степени, видим то, во что верим. Тем более это относится к художнику, чье сознание, по определению, отличается повышенной зрительной активностью, а эмоции насыщают дополнительной силой.

Летнее полыхание чувств завершилось... их сублимацией. Решение принял, вернее, не принял Константин Васильевич: «Если мы не сойдемся теперь с тобой физически, то наши души должны жить вместе. Это тоже соединение, которое должно принести прекрасные и чудные плоды. Будь благоразумна и не толкуй моих слов в другую сторону. (...) Я все это время много думал и решил, что если я пока не могу быть твоим мужем, то все же я должен быть около твоих работ. Эти работы будут нашими первыми детьми. Они должны нам дать большое удовлетворение. Я верю, что ты меня поймешь и, идя навстречу, будешь верить в новую хорошую жизнь».¹

¹ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 320. Лл. 1—2.

Стороны договорились о том, что отношения не прервутся, но в течение года будут исключительно творческими, а дальше — то ли время покажет, то ли Бог управит, но что-то произойдет или как-то разрешится. Убедил ли Константин Васильевич, заговорил ли очарованную душу в вечности чувств, но, кажется, заставил поверить в то, что настоящее — всего лишь испытание, которое нужно пройти с честью, никого не обидев: «Я люблю тебя, твое искусство и твою любовь ко мне. Все так крепко сплелось, что я не могу оторвать себя от тебя. (...) Я дал слово до весны оставить все как было. (...) Господи, успокой все и приведи к лучшему концу. (...) Я теперь ясно вижу, что ты за эту зиму так хорошо поработаешь, что дашь мне великую радость. Не унывай, моя голубка, моя милая. Весь остаток своих сил я отдам тебе и все, что только могу дать — все отдам»².

Не расставаться помогли письма.

«Ты знаешь, Котя, как я жду твоих писем? Иногда раньше 8-ми просыпаюсь и жду, а иногда 8-ми часовой звонок вонзается прямо в мой сон, я открываю глаза и прислушиваюсь, как Сима бежит по коридору и наступает затишье, после которого иногда в щель моей двери просовывается серенький конверт с неровным почерком. Тогда я разрываю его второпях и, прочитав, еще долго лежу с ним в постели. А иногда после звонка в прихожей только шелест газеты (как сегодня), хлопают двери, Сима топчет обратно. Я встаю без письма. Изредка (когда нездоровится) пролежу до 11-ти, когда вторая почта, и также в щелку мне сунут серый конверт с какими-то полосками через марку. А то эту почту подают во время работы. Третью чаще всего нахожу на лестнице на столике под зеркалом, когда бегу к почтовому поезду отправлять тебе письмо. Начиная со второго этажа столик уже виден сверху и я, перегнувшись через перила, смотрю, много ли лежит там бумажек и угадываю свой конверт на ходу. Еще приносят редко-редко вечером. Той я не жду — это случай. А сегодня придется ждать(...)»³.

Пытаясь вычленив из переписки наших героев сюжетно-событийную канву, трудно отсекав «лишнее» (о, жестокость слов!), отказываясь от строк и фрагментов, подобных этим. Но операция сия неизбежна и в ней видится благо: не пропустить ни дня,

² ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 271. Лл. 1—2.

³ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1057. Лл. 1—3.

ни строчки, но выбирая, приглушить эмоциональный фон, пытаясь сохранить при этом нерв и укрупняя, выводя на первый план личность — во времени и в искусстве.

Их письма осени 1914—1915 годов — о любви и о творчестве. Хроника чувств со всеми возможными в таких случаях перепадами настроений, пересказами снов, воспоминаниями, мельчайшими подробностями переживаний, их символами и знаками. В этом потоке любви реальные события, ситуации, люди выглядят не так выпукло — текущее и внешнее, о чем можно разговаривать при встрече, но не включать в ткань сокровенного письма. Удивительно другое: поток этот чрезвычайно живописен. В нем выплавляются сюжеты и образы картин, которые существуют сначала в эскизах, потом на холстах, путешествуют из Петербурга в Москву и обратно. Именно в письмах работы Оболенской возникают не как фантомы — конкретные вещи, которые позволяют говорить о творческом наследии, забытом ли, утраченном?

Роль и участие Кандаурова во всей многозначной сложности этого живописного спектакля, несомненно, ведущая: вдохновитель, наставник, заказчик, критик, продюсер.

И конечно, герой романа и герой портрета, начатого еще в Коктебеле и законченного в январе 1915 года. Константин Васильевич изображен на нем в рост, сидящим на фоне коктебельского пейзажа — парная рифма к ее автопортрету: «пусть хоть на стенке мы будем рядом»⁴. Как и в случае автопортрета, Оболенской в работе помогли фотографии, выполненные Ф. К. Радецким. Прием ученический, позволяющий строить композицию в условиях мастерской при отсутствии натуры и пейзажа, но вероятно, единственно возможный для начинающего живописца при решении подобной задачи.

В собрании ГИМ сохранились карандашный набросок этого портрета и акварель другого — «К. В. Кандуров в Бухаре», выполненного во время путешествия в Среднюю Азию в 1925 году. Живописный портрет хранился в семье Леонида Васильевича Кандаурова и ныне находится у его потомков.

Рождение первого портрета, место нахождения которого на сегодняшний день не известно, прописано в письмах настолько отчетливо (о, сила слов!), что возникает ощущение виденного:

⁴ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1076. Л. 1.

Оболенская — Кандаурову. 27 сентября 1914. Петроград.

(...) Я думаю завтра закончить пейзаж для Ф. К.⁵ (ах, он, как и все — для тебя, собственно!), и тогда займусь портретом. Когда думаю о нем, даже сердце замирает — так с одной стороны ясно мне, что нужно, а с другой — легко испортить и трудно сделать. Придется устроить много подготовительных работ; и к лучшему отсутствие холста. Я так ясно вижу голубую эмаль полыни и золото земли под ней, все как драгоценные камни. И длинные голубые глаза, светлые как огонь; и все формы простые, трудные и прекрасные. Песчаные дали за светлым и горячим цветом щеки. Желтую белизну ткани. Но как трудно согласовать все это. Многим очень интересным придется пожертвовать для другого, более важного. Наверное, долго буду сердиться на себя за рисунок лица. Но я думаю, что когда так ясно представляешь себе, то нельзя потерять этого. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1037. Лл. 1об.—2.

Оболенская — Кандаурову. 8 октября 1914. Петроград.

(...) Медленно, но подбираюсь к цвету твоего будущего портрета. Сейчас самая неблагоприятная работа: на маленьких клочках пробую отношения, перемазываю их до конца, так что вид этих эскизов плачевный и нарисовать пока нечего. Будет гораздо приятнее, когда, выяснив все точно, начну действовать уже на самом портрете — будут видны результаты. Но сегодня, кажется, мне удалось кое-что найти в гамме, так что завтра попробую это на чистом клочке (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1049. Лл. 1—1об.

Оболенская — Кандаурову. 17 октября 1914. Петроград.

(...) Я не согласилась на закат и в пейзаже останется утро или какое-то немеркнувшее светлое время дня. Сзади будет нежная охра и зеленая земля светлых долин, а спереди — густое красноватое золото почвы с фиолетовой полынью (не голубой, чтобы не

⁵ Ф. К. Радецкий

мешала глазам). И голубые цветы милых глаз останутся единственно голубыми на всем холсте, как было решено еще в апреле, помнишь? Рубашка будет белой, с желтизной; в теле киноварь в тених — разные фиолетовые. «Пьедесталы» твои уйдут в тени черно-зеленых оттенков — в свету зелено-серые. Пейзаж закатный в окончательном результате не подошел к тебе: меня все мучила светлая сказка в лиловых и песчаных цветах за милой спокойной головой с длинным разрезом голубых глаз. Вышло даже без натяжки, т. к. охра вполне отвечает даже реализму пейзажа. В твоём этюде пески сделаны не светлой охрой, а жженой охрой, розоватой с примесью фиолетового — это пришлось удалить, чтобы не мешать лицу, но и желтая охра возможна в передаче песка. Остальное останется похожим, только будет немного перестроено под охру. Только неба я, кажется, вовсе не сделаю — оно будет все в глазах. Сегодня я нарисовала уже на холсте подробный, но уменьшенный эскиз. Завтра начну его писать, как выше рассказала тебе. Он будет генеральной репетицией и после него все будет решено. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1059. Лл. 1—2об.

Кандауров — Оболенской. 18 октября 1914. Москва.

(...) Сегодня получил письмо с описанием пейзажа к портрету и так им очарован, что от заката отрекаюсь навеки (...) Если бы я мог написать твой портрет, то я бы его написал весь в пламени солнечных лучей. (...) Какое счастье, что ты так ярко загорелась в творческой работе. Все так прекрасно и так чудесно. Много, много сделаешь прекрасного в жизни. Я верю в твои силы и в твой талант. То, что есть в тебе и что дано тебе Богом, заглушить немислимо. Работай, моя милая, и утешь старого мечтателя. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 304. Лл. 1—2.

Кандауров — Оболенской. 29 октября 1914. Москва.

(...) Я теперь живу моим портретом твоей работы. Я мечтаю о нем постоянно, я волнуюсь за него. Меня охватывает дрожь, что

ты его бросишь и не станешь делать. И сам же я вношу такое беспокойство, что ты не в силах продолжать работу. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 314. Л. 1.

Оболенская — Кандаурову. 20—21 декабря 1914. Петроград.

Завтра, к счастью, кончаю nature morte. (...) После примусь за портрет, который начинает мне напоминать подвенечное платье из одного старинного романа, которое девица вышивала всю жизнь, чтобы скоротать время в отсутствии жениха, с кот[орым] ее как-то разлучили ! Но мы поработаем еще, мой Котик, правда? (...)

ГТГ ОР. Ф. 5 Д. 1118. Л. 2.

Кандауров — Оболенской. 16 декабря 1914. Москва.

(...) С волнением жду момента отъезда из Москвы. Я думаю, 23-го мы увидимся и будем весело болтать у тебя в комнатке. (...) Может быть, ты меня порисуешь за эти два дня? Как мой портрет? О нем ты забыла, и он больше тебя не захватывает! А меня очень волнует его судьба. Надеюсь, что ты мне его покажешь. Детка моя милая, если есть еще грусть в моих письмах, то это только по тому, что я тоскую по тебе. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5 Д. 344. Лл. 1—2.

Оболенская — Кандаурову. 23 января 1915. Петроград.

(...) Твой портрет меня изводит. Выходит позорно. Если смотрю одним своим левым глазом, то ничего, а двумя, плохо! Я решила сделать, что могу. Если не будет стыдно, покажу тебе и тогда, может быть, перепишу заново, если ты найдешь возможным. Потому что сдаваться и бросать мне не хочется. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1154. Лл. 1—2.

Оболенская — Кандаурову. 26 января 1915. Петроград.

(...) Что сказать о твоём портрете...? Мама находит, что более похожим тебя нельзя и представить, но это я уже судить не могу, а вообще мне в мечтах все представляется таким лучезарным и радостным, что на холсте все кажется скучным и гадким. Я даже не знаю, возможно ли то, чего мне хочется — но конечно, могла бы написать лучше, чем сейчас. Ну, посмотрим. И ты должен все-таки посмотреть, для меня это чрезвычайно важно. Без этого я никому не смогу его показать. (...) Какой ты цельный весь и все, что придумываешь, так похоже на тебя: во всех твоих мыслях точно та же прелесть, что в твоих глазах, и те же краски, что в пейзажах, которые хочется подобрать к тебе (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1157. Лл. 1—2.

Кандауров — Оболенской. 16 февраля 1915. Москва.

(...) Портрет всем нравится и все находят, что ты поняла мою душу. Моя ненаглядная деточка, чем мне тебе отплатить за все, что ты делаешь для меня? Я от каждого твоего письма прихожу в такое радостное волнение, что мне лучше писать письма до получения твоих (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 399. Лл. 1—2.

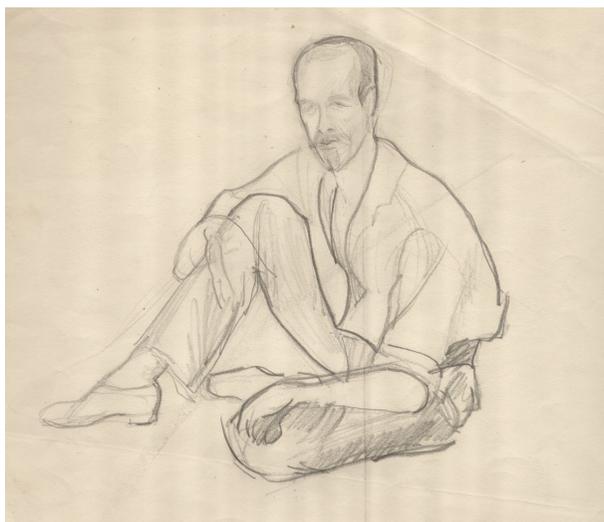
Оболенская — Кандаурову. (26) февраля 1915. Петроград.

(...) Я что-то скучаю о твоём портрете признаться, и рада буду, когда он вернется ко мне. (...) Мне все равно, если там что-нибудь не кончено, неряшливо; с того момента, как я нашла все цвета, мне остальное стало неважным. Для меня там есть и твоя улыбка: она в пейзаже, чтобы не исказить лица! Так выходит, что человек — мелодия, а все, что вокруг — гармонизация ее же. Я рада, что мы с тобой найдены оба в цвете: красный портрет для меня близок тем же. Я алая, ты голубой — а солнечный луч, преломляющийся во всех цветах один — и дух в нас один. У Макса в одном из последних стихов сказаны слова: «как в радуге один распятый луч» (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1190. Лл. 1—2.

К. В. Кандауров. 1900-е. Фотография из архива К. А. Кандауровой

Ю. Л. Оболенская. набросок к портрету К. В. Кандаурова. 1914.
Бумага, карандаш. ГЛМ.

Искусство и война

Я чувствую в себе необыкновенный подъем сил и энергии. Вся моя беда в том, что рядом с любовью к тебе, идет и любовь к людям и поэтому все это осложняет мою работу. (...) Очень много людей обращаются ко мне за советом и с просьбами. Я не думаю, что эта моя деятельность могла бы приносить тебе горе и страдание. Благодаря встрече с тобой все развернулось и просветлело. В моей груди такой свет, который потушит только смерть.

Кандауров — Оболенской 22 февраля 1915

Первый год войны не ослабил ни светской, ни художественной жизни, напротив, придал ей новый импульс, направление движения и некоторую пафосность. В обеих столицах парад выставок, балов, лотерей, вечеров, где развлечение облечено в военную форму: война еще не стала ужасом, ее трагедии доходили до общественного сознания неспешно. Тем не менее, искусство не желало молчать, и подобные благотворительные акции, во множестве проходившие в Москве и Петрограде, демонстрировали пылкий порыв, проявление гражданской позиции творческой интеллигенции, стремившейся посильным образом помочь жертвам войны и их семьям.

И все-таки, проходившие в этот период выставки нельзя назвать концептуальными — в них принимали участие самые разные мастера и работы, а патриотической настрой компенсировал снисходительность выбора и художественную критику произведений.

Это давало повод к иронии. Так, собирая работы художников для благотворительной лотереи, руководство «Мира искусства» обратилось к М. Нахман с предложением участия. *«Она смеется, — насмешничает и Оболенская, — что если теперь пожертвовать забракованные в прошлом году (все до одной ведь!) вещи, то им придется принять. Со мной они были последовательнее и не о чем не просят, вероятно, вычеркнули вон. А у меня-то как раз и был принят один этюд (твоя собственность)! Пожалуйста, пожертвуй его — вот ему достойное применение!»*⁶

⁶ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1054. Л. 2.

Константин Васильевич приглашен к участию в организации сразу нескольких выставочных проектов. Увлечен, но, умея трезво оценить каждый из них, порой недоволен случайностью отбора, отсутствием внутреннего содержания, а еще и плохой организацией, препонами чиновников, амбициями художников — всем тем, что неизбежно в той или иной мере сопутствует процессу создания любой выставки.

А они следуют одна за другой.

В октябре Кандауров занимается выставкой В. Д. Поленова в пользу раненых, в ноябре-декабре работает на выставке «Художники Москвы жертвам войны», в декабре-январе занят устройством экспозиции «Война и печать», также благотворительной, которая представляла печатную продукцию первых месяцев войны, в частности, лубки. Попутно отметим, что аналогичная выставка, доход от которой поступил во Всероссийский городской союз помощи больным и раненым воинам, прошла в Петрограде. На ней были представлены лубки издательства «Сегодняшний лубок», с которым сотрудничали Д. Бурлюк, А. Лентулов, В. Маяковский и другие художники авангарда — будущие экспоненты выставки «1915 год». 29 января в Москве открылась еще одна выставка — в пользу пострадавших от войны в Бельгии (там впервые немцы применили угарный газ), к которой также имел непосредственное отношение Константин Васильевич.

Свое любимое занятие он совмещает с работой в театре, валится с ног, а потому к известной краткости в письмах добавляется раздражение — от усталости. Но он счастлив. И тем, что востребован, и тем, что любим: *«я вошел в храм любви и творчества»*⁷.

План новой выставки, которую мечтает сделать сам и где будет представлено все молодое и свежее искусство времени, уже зреет в его голове.

Оболенская, избегавшая выставочную суету и предпочитавшая замкнутый образ жизни, все же начинает выходить «в свет» и даже тремя кокетельскими этюдами выставляется у Е. Н. Добычиной, известной в Петербурге хозяйки салона-магазина, где проходили художественные выставки. Но недовольна — от застенчивости, от сомнения в собственных способностях, от неумения быть на виду. Впрочем, ее оценка выставки «В пользу лазаре-

⁷ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 387. Л. 1.

та деятелей искусства» может быть субъективной и еще по одной причине: она целиком «принадлежит» своему «маэстро».

Особенность общения Кандаурова и Оболенской на темы искусства состояла еще и в том, что один, как было сказано, не любил и не умел описывать сюжетов, историй, разговоров и раздумий о нем, а другая, в художественных кругах Петрограда появлялась мало и не стремилась туда: «Я, деточка, ничего не знаю о «М[ире]Искусства», — пишет Оболенская Кандаурову в ответ на его вопрос о разногласиях в стане соратников, — *ведь живу как в берлоге и, вероятно, так никогда и не буду среди людей общего дела. А если воробей пролетит мимо окна, и то я, кажется, тебе пишу...*». ⁸

И все же, выбранные места из их переписки позволяют заглянуть «за кулисы» известных выставок и составить, пусть и очень беглую, но живую картинку художественной жизни Москвы и Петрограда.

Оболенская — Кандаурову. 18 сентября 1914. Петроград.

(...) Был у меня Смелов из В.О.Х. они устраивают выставку с благотворительной целью. Я сказала ему, что наша группа распалась, но обещала поговорить с мужем Вари Топер⁹ насчет ее посмертной выставки. (...) Прочла сегодня статью Бенуа — он распалился на «Старые годы», которые не выпустили №, находя, что теперь не до искусства. Он говорит, что если искусство — ценности нашего духа и культуры — то за него и война ведется, а если оно забава, то не стоило им заниматься. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1026. Л. 1—1об.

Кандауров — Оболенской. 10 октября 1914. Москва.

(...) Дорогая моя, как только вырву время, так я приеду к тебе хоть на один день. У меня выставка В. Д. Поленова из жизни Христа, но она еще не развешена и духовная цензура говорит, что та-

⁸ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1154. Л. 1.

⁹ Топер Варвара (ум. в 1914?), соученица Ю. Л. Оболенской по школе Е. Н. Званцевой.

кой выставке теперь не время. Я не знаю, будет ли она развешана. Она в пользу раненых и мои интересы не затронуты (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 296. Л. 1.

Оболенская — Кандаурову. 19 октября 1914. Петроград.

(...) Была вчера у Добычиной, она меня встретила с обидой: «Что же вы это сами не приходили, ждете личного приглашения». Я дала ей старые пейзажи с «М[ира] И[скусства]» и три этюда этого лета, не нужные для будущей работы. С оценкой было преглупо: я сидела, как идиот, и, в конце концов, попросила ее посоветовать. Вероятно, она в душе смеялась. Но для меня такая попытка эти оценки и т. п. Я не умею найти соответствие между творчеством и деньгами. Было так глупо. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1061. Л. 1.

Оболенская — Кандаурову 2 ноября 1914. Петроград.

(...) Сегодня наконец удостоила своим посещением выставку Добычиной, после чего лежу (не от потрясающего впечатления, а от усталости). Выставка довольно пустая и конечно чувствуется, что устроитель ни аза не смыслит. Из нас крупные вещи у одной Лермонтовой. Они полны недостатков, но это большой талант. Досада берет, что нельзя хвалить, т. к. все сердит доморощенностью какой-то; и нельзя не удивляться дарованию. Вещи не нравятся, дарование большое — что же, в конце концов? Иванова она развесила по разным комнатам, так что не найдешь. (...) В меня она ввесила ярко раскрашенный рисунок Кульбина — я не утерпела сказать — ну и соседа вы мне закатили! А Лермонтова уже подала на нее в суд за не повешенную одну вещь, и Добычина горько жаловалась мне, говоря, что поседела с горя и указывая на вполне черные свои волосы! Но я все же не понимаю — из-за чего тут судиться. Мой этюд с полынью («твой») она тоже не повесила, но очень хотела его оставить, а я его взяла домой. (...) Нет, я никогда не буду выставлять больше и не могу «раздать работ» — ведь их и нет, а то, что есть, в твоём распоряжении и я бы хотела, если выставлять, то у тебя. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1079. Лл. 1–3.

Кандауров — Оболенской. 4 декабря 1914. Москва.

(...) Сегодня целый день работал на выставке «Художники жертвам войны». Выставка — сплошной базар. Кошмар из бездны бесплотных картин. Лучшее на ней маленькая часть «Мира искусства» и «Бубновый валет». Об остальном и говорить страшно. Пришел домой с таким же чувством, как помнишь, с «весенней» в Академии. Я как-то раздваиваюсь, т. е. хочется все бросить и не смотреть на живопись или же самому начинать мазать. Все это очень странно моя дорогая, но если могут все, то почему же и мне не портить холст и краски. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 330. Лл. 1об.—2.

Оболенская — Кандаурову. 6 декабря 1914. Петроград.

Милый мой дружок, получила твое письмо, вернувшись с выставки ВОХ. (...) Меня заинтересовало посмотреть посмертную выставку нашей Вари и вот ревела, конечно, на выставке, так плохи стали нервы до глупости. Видно, что в ней был настоящий живописец, но все это не выразилось, не кончилось, ушло. (...) На выставке оказался еще страшно любопытный отдел детских рисунков, т. е. отчет одной ярославской школы для крестьянских мальчиков лет 11—12. Их преподаватель Матвеев, член ВОХ. Я не могу рассказать тебе, до чего талантливы эти дети: таких детских рисунков я не видала еще. (...) Этот Матвеев говорит, что со всеми детьми может добиться таких результатов. Дай ему Бог. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1099. Лл. 1—2об.

Кандауров — Оболенской. 7 декабря 1914. Москва.

(...) Все эти дни я возился с выставкой и устал. Следующая неделя у меня вся свободна и я побываю у Пра. Видел у меня Сарьян твой большой «Виноград», который ему очень понравился, но он сказал мне, что я подобрал неудачную раму. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 333. Лл. 1—1об.

Кандауров — Оболенской 17 декабря 1914. Москва.

(...) Сегодня ночью будем с Сарьяном устраивать Армянский рынок в Благородном собрании. Я рад тряхнуть стариной и поработать. Ты не беспокойся за меня. Это мое любимое дело. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 345. Л. 2.

Кандауров — Оболенской 3 января 1915. Москва.

(...) Сейчас занят устройством выставки современных лубков. Я ужасно рад этому делу. Я здоров и ты не беспокойся за меня. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 358. Л. 2.

Кандауров — Оболенской 13 января 1915. Москва.

(...) Опять попал на устройство выставки. Выставка будет в пользу Бельгии и участвуют «Мир Искус[ства]» и Союз. Настаивают на моем участии Гиршман, Трояновский, Бенуа и Грабарь. Я не мог отказать и согласился, тем более, что Гиршман и Трояновский¹⁰ доверяют 30 вещей Сомова. И заработать надо, т.к. они поставили условием мне заплатить (...).

ГТГ ОР. Ф. 5 Д. 367. Лл. 1об.—2.

Кандауров — Оболенской 24 января 1915. Москва.

(...) Я теперь вожусь с выставкой в пользу бельгийцев. Очень много возни с комитетом, т.к. они все путают и не знают, на что решить. Мне приходится им все подсказывать. Москвичи ведь почти обиделись и отказываются давать вещи. Комитет меня пригласил после посылки приглашений избранным ими художникам. Когда я прочел списки, то отметил тех, которые не будут участвовать, и все выходит по-моему. Гиршман меня спрашивал:

¹⁰ Владимир Осипович Гиршман (1867—1936), купец первой гильдии и потомственный почетный гражданин Москвы, один из виднейших московских коллекционеров»; Трояновский Иван Иванович (1855—1925) — московский врач, коллекционер».

«Откуда вы все это так хорошо знаете?», а я говорю, что это опыт многих лет. «Мир Искусства» устраивает свою выставку в Петрограде 1-го марта и говорят, что секретарем будет Шухаев, а с Рабиновичем¹¹ у них нелады. (...) Я очень рад, что отказался мешаться в приглашения и в переговоры с художн[иками]. И слава Богу, т.к. уже начались обиды, а я стою в стороне. Выставка будет любопытная, т.к. участвуют разношерстная компания. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 378. Лл. 1—2.

Кандауров — Оболенской 27 января 1915. Москва.

(...) Много возни с выставкой и время идет незаметно. Я рад, что скоро увидимся и поговорим на покое. Я люблю художников, но не выношу их взаимных отношений. Если бы все записать, то потомство пришло бы в ужас, составляя характеристики современных нам художников. К счастью, не записываю и все умрет со мной. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 381. Лл. 1—1об.

Ящик с игрушками

(...) Дорогой мой, мне будет приятно писать львов — точно мы вместе видим один и тот же сон — чудной и горячий и чуть-чуть дикий.

Оболенская — Кандаурову. 16 января 1915.

Понравившийся Сарьяну «Виноград», о котором упоминает Кадауров, был закончен осенью. Любимый коктебельский сюжет создавал «виноградное настроение» для работы, казавшейся в тот момент самой важной — портрета Кандаурова. Работа над ним шла медленно, наперекор реальности, и, чтобы переключиться, художница пишет натюрморты: *«короткие работы сразу дают чувство чего-то оконченного, достигнутого. Присутствие природы вносит большой покой — точно целуешь кого-то рядом с собою; а без природы — точно только мечтаешь о ком-то далеком»*¹²

¹¹ Рабинович Мирон Ильич (1888—1948) — уполномоченный «Мира искусства» в Петрограде.

¹² ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1119. Л. 1

Поиск природы обернулся счастливым обретением игрушечного богатства со склада в Сергиевом Посаде, где Константин Васильевич набрал для своей «дорогой детки» целый ящик сказочных зверей и птиц. Они должны были стать героями ее будущих картин и, конечно, радовать своей нарядностью, праздничностью. *«Сегодня я купил много игрушек и некоторые из них очень старые, которых теперь уже не делают. Есть черный верблюд, очень кошмарное животное, есть чудесная розовая птица, есть индюк, есть два желтых с голубым льва, один сидит, а другой стоит, есть собачка. Эти более или менее старые, а потом разные куклы и разные фигурки. Есть огромный петух в ярких красках и такой же гусь с удивительно синей головой. Эта пара невероятно интересна. Пришлю им в подмогу два ситцевых кубовых с цветочками платка, на которых чудесно выглядят деревянные куклы»*¹³, — сообщает он в одном из писем, а в другом советует, что с ними следует делать: *«Ты только подумай, как будет интересен верблюд и лев с голубой гривой и смешным лицом на фоне знойной пустыни с одинокой пальмой и пирамидой. Можно написать пейзаж в виде декораций, а потом установить и писать как nature morte. Напиши откровенно, как нашла эту затею. Это будет нечто вроде детского театра и нужно будет освещать особо»*¹⁴.

Ю. Л. Оболенская. Игрушки в пейзаже (Львы). 1915.
Холст, масло. Частное собрание.

¹³ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 358. Л. 1.

¹⁴ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 362. Лл. 1—1об.

От фигурок львов Юлия Леонидовна в восторге: «Больше всего мне по сердцу оказались львы — ничего подобного я еще не видела! (...) Я думаю, что львов напишу не раз — не могу расстаться с ними»¹⁵ В ней, наконец, проснулось желание творчества, чего так добивался Константин Васильевич. «Радость жизни и ее свет — вот что должно служить девизом твоей жизни и работы»¹⁶, наставляет он ее. И Юлия расцветает его заботами: «так работать — все равно, что под солнечным лучом. Как же не создавать радостного?»¹⁷. «Я не могла отделить от себя свои мечты и все оставалось во мне, как набухший весной снег. Благослови тебя жизнь, мой дорогой. Не отнимай у меня твоей помощи, я еще «новорожденная» и одна идти не могу, и вообще не знаю, что будет»¹⁸.

Над картинами они трудятся в две руки и в четыре глаза. Письма все больше напоминают штудии. Идут подробные обсуждения композиции, колорита будущих картин, размеров холстов и рам к ним. «Сегодня купил тебе четыре цвета холстов для фона — синий, оранжевый, пурпуровый и ярко зеленый, а также шесть аршин холста для картин. Холст взял на пробу, т. к. того, к которому ты привыкла нет и когда будет неизвестно. По-моему, холст очень недурен и к тому же дешев. Прислать или ждать моего приезда?»¹⁹ Константин Васильевич относится ко всему внимательно и серьезно. Он чувствует себя то ли опытным преподавателем, то ли практиком, владеющим тайнами ремесла, или искусственным ценителем искусства и радуется, когда по его просьбе исполняется картинка — из этих подготовительных эскизов в размер конверта у него складывается целая «галерея». В письмах появляются и его рисуночки — в качестве заданий для его прилежной «воспитанницы», которой он верно служит и восхищается: «Я целые дни только и думаю о том, что бы тебе послать, что бы сделать для тебя, моя золотая девочка. (...) Какое отрадное самочувствие, когда думаешь только о добре. Искусство в этом играет тоже не маленькую роль, а твое искусство радости и большую».²⁰

¹⁵ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1140. Л. 1.

¹⁶ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 385. Л. 2.

¹⁷ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1165. Л. 1об.

¹⁸ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1167. Л. 3об.

¹⁹ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 370. Л. 1.

²⁰ ГТГ ОР. Ф. 5 Д. 371. Лл. 1об.—2об.

И начинается игра в то, что хочется видеть — рай, волшебный сад, чудесный зверинец, населенный полуфантастическими зверями и птицами, оживает на многочисленных эскизах и холстах. Все эти «райские дети» обретают характеры, вроде той пары львов, один из которых в глазах Оболенской похож на Богаевского, другой — на Станиславского, переселяются на страницы писем и буквально заполняют их собою, доводят до экстаза: «(...) получил «Рай». Я в бешеном восторге и не хочу менять ничего. Все великолепно и чудесно! Деревья я такими хотел видеть, и ты угадала все подробно. Как прекрасны в арке просвета целующиеся львята — это наш путь. Красный и зеленый попугаи невероятно хороши. Странус удивительно прекрасен. Цветы, плоды, листья, ветки и стволы — все то, о чем мечтал. Если так пойдет дальше, я сойду с ума от радости и счастья»²¹.

Ю. А. Оболенская. Игрушки в пейзаже (Рай). 1915. Фоторепродукция. ГТГ

Это могло бы казаться наивным, театральным, искусственным, когда бы не оттеняющий наших героев отсвет серебряного века с его Пьеро, Арлекинами Коломбинами на сцене, в живописи, кукольной эстетикой быта и бытия и ее реминисценциями в поэзии и прозе. Здесь та же тема двойничества, отзеркаливания, чародейства, путешествия в экзотические страны или обживания нарисованного рая, где царят гармония и стихи.

²¹ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 401. Л. 1.

«Любви последней ярость, в тебе величье есть», — повторяет вслед за Блоком Оболенская и тут же приводит еще одни «поэтический источник» своей живописи — стихи М. Кузмина:

Посреди зверинца ограда,
А за ней — запечатанный сад.
Там вечная дышит прохлада
И нет ни силков, ни засад.
И также тихо и мирно
Голубой лепечет ручей.
И медленно каплет смирна
Из цветочных очей...²²

Теперь попробуем представить себе эти картины:

Кандауров — Оболенской 18 января 1915. Москва.

(...) Посылаю тебе твой эскиз и настаиваю на сохранении его в полной исправности, т. к. он принадлежит галерее К. В. Кандаурова. По поводу этой работы я уже писал тебе целый ряд писем, и ты вероятно, уже их получила. По-моему, все прекрасно, и я только прошу как можно больше удержать намеченные краски. Очень рекомендую дать четкий рисунок пальм. Относительно двух маленьких пальм по ту сторону воды, то они даже и не мешают. В постановке фигур зверей все очень хорошо. (...) «Игрушки в пейзаже» может быть исходной точкой композиции. Очень хорошо, что сохранила дощечки, на которых стоят звери. Работай, моя радость. Как все прекрасно! (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 372. Л. 1.

Оболенская — Кандаурову. 19 января 1915. Петроград.

(...) Собираюсь рисовать львов и настаиваюсь на Египет. Львы сидят на столе и подозрительно косятся. У одного зрачки зеленые, у другого — золотые. Вчера вечером ходила к Магде и весь вечер читали стихи Кузьмина и Блока новые. Блок замеча-

²² ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1181. Л. 1.

телен и потому мне думалось о тебе. Назад ехала по пустынным снежным улицам совсем одна долго-долго. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1148. Л. 1.

Оболенская — Кандаурову. 20 января 1915. Петроград.

(...) Я уже пустила в пустыню престрашного человечка с черной бородой и угловатым носом в зеленой мантии и желтой шапке с посохом. Он вроде страшного карлика рядом с верблюдом и тишины не нарушал. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1150. Л. 1.

Кандауров — Оболенской. 25 января 1915. Москва.

Моя дорогая! (...) Ты сделай несколько эскизов рая. Я думаю, что он тоже должен быть детским и все деревья должны быть с фантастическими листьями и формами. Он должен быть очень примитивен и прост. На деревьях будут необыкновенные поды и цветы. Если успею достать что-либо интересное, то привезу с собой, а то поищу потом, когда будет свободнее. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 379. Л. 1.

Оболенская — Кандаурову. 27 января 1915. Петроград.

(...) Сегодня был у меня товарищ, А. Зилоти и весьма радовался на львов в пустыне. Все добивался, что за идея? Видел он и летние этюды, из которых одобрил все с Сююрю; и нашел, что вообще путь мой ясен и все обстоит хорошо. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1159. Лл. 1—1об.

Оболенская — Кандаурову. 28—29 января 1915. Петроград.

(...) На столе 77 эскизов райских пейзажей, все ни к черту! Как полезно делать такие попытки. Конечно, игрушки облегчают переход от природы к чистому творчеству. Я хочу попросить

тебя, дорогой, если что-нибудь выйдет из этих вещей, то в будущем давать мне темы для эскизов. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1160. Л. 1об.

Оболенская — Кандаурову. 9 февраля 1915. Петроград.

(...) Я делаю все светлее, чем на эскизе, а горы теплее (...) Поэтому все выходит нежнее и как-то ласковее. Зелень — голубая, тени светлые, острые листья дерева с розовой птицей рвутся вверх, как голубое пламя. Вообще, так больше восторга во всем, по-моему. Жду эскиза второго рая. Не смущайся реализмом, я сказку наведу. (...) Проходя мимо комнаты Ф<едора> К<онстантиновича> мельком увидела свой пейзаж и нахожу связь между ним, твоим портретом и раем — чем-то похожи все три. Целую тебя дорогой, будь здоров и счастлив. Тебе кланяются верблюд, розовая и голубая птицы, изумрудный попугай, лев и три дерева. Шумное царство! (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1169. Лл. 1—2.

Оболенская — Кандаурову. Б. д. (11) февраля 1915. Петроград.

(...) Сегодня написала заново львов в пустыне, и вышло много лучше, так что, ради Бога, спрячь и никому не показывай первых. Тон земли теперь абсолютно ровный без подтеков и как жар горит; вода как изумруд, а небо золотое. Сидят лев, львица и львята такие смешные, что без улыбки нельзя видеть их. (...) Ах, шикарные львы! Я хвастаюсь сегодня неприлично. Завтра, вероятно, возненавижу эту работу. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1170. Лл. 1об.—2.

Кандауров — Оболенской 12 февраля 1915. Москва.

(...) У меня еще есть мысль относительно деревни и гуляющих кукол, которую я представляю себе вроде деревенской улицы, на которой надо разместить Белотелову²³, лиловую даму и

²³ Кукла в образе купчихи, изготовленная матерью художницы, Е. И. Оболенской.

ряд кукол, уток, курицу, собаку и всяких пичужек. Все это должно быть в ярком цвете зелени берез, рябины с ягодами и в середине церквушку, которую я тоже пришлю. Если хочешь, оставь это до моего приезда и тогда вдвоем распределим. Надо еще взять корову и лошадку. Скажи, как найдешь этот бред безумного. (...) Я думаю, что этот пейзаж должен щеголять цветом и силой. Я так представляю деревню в будущем. Если найдешь все это смешным, то буду рад, если посмеешься. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5 Д. 393. Л. 1об.

Кандауров — Оболенской 13 февраля 1915. Москва.

(...) Второй рай очень необходим и я прошу его сделать. В него надо поместить птиц, а из зверей только тех, которые подойдут по характеру и цвету. Зелень темная будет на заднем плане, куда пропадает речка и она должна выделить сильнее голубые деревья и просветы неба. (...) Мне бы очень хотелось, чтобы все было возможно нежнее и я бы окраску зверей и птиц тоже смягчил, уложив все в общую гамму. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5 Д. 395. Лл. 1—1об.

Кандауров — Оболенской 14 февраля 1915. Москва.

(...) Какое счастье, что мы с тобой так хорошо дополняем друг друга. Мне ужасно приятно, что первый рай вышел коктейльским, а этот второй будет эмблемой нашей будущей жизни. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 397. Л. 1об.

Однажды во время работы к Оболенской зашел ее настоящий учитель — К. С. Петров-Водкин, который пожелал увидеть ее работы. Юлия Леонидовна не может не написать об этом Константину Васильевичу, но осторожничает, говоря о случайности встречи, не желая вызвать ревностного беспокойства своего друга: *«Дорогой мой, только что собралась я приняться за эскизы и даже начала выводить не бумажке что-то несообразное, как пришел Петров-Водкин. Пили чай, потом он пожелал что-нибудь видеть.*

Я сказала, что могу показать только летние этюды; пока я их искала, он увидел рай за ширмой, чего мне очень не хотелось. Отчасти я успокоена, т. к. первые слова его были — «дайте это нам на «Мир искусства» После он сказал, что это очень красивый узор, заметив только насчет черного верблюда, что его силуэт нужно сделать потоньше. Тогда я показала и львов. Он сказал, что это — фриз, что много Египта и по цвету, пожалуй, еще лучше. Потом смотрел этюды и хвалил. Это не значит, что завтра он не обругает меня кому-нибудь, но он все хотел прислать ко мне Добужинского, чтобы тот взял что-ниб[удь] на «Мир Искусства». Я сказала, что все обещала тебе, но боюсь, что он все-таки его пришлет»²⁴. Кондауров все-таки встревожен — покушение на его Галатею! — и ей приходится успокаивать его: «Смотрел при этом львов — но все мои даже летние этюды принимал за темперы, и узнав, что масло, с гордостью говорил: «Молодец!». При этом вспомнил красного коня своего. Явно, что понравилось»²⁵.

Тень ревности прошла быстро. Похвалы Петрова-Водкина были важны для Оболенской, но это школа и она осталась позади. «Гениальность» кандауровского ящика с игрушками состояла в другом. Константин Васильевич сумел найти тот материал, с которым художнице было легко и радостно, настроил на сказку, где она была собой. С этого точного психологического хода началась настоящая воспитание мастерства. «Я давно мечтала о том, чтобы живопись стала моим языком — но на деле выходило иное; она была отдельно, а я с моей жизнью отдельно. Теперь я каждую вещь пишу как письмо тебе, и знаю, что ты все прочтешь, как буквы. Поэтому живопись слилась с моей жизнью, стала моей душой. (...) Теперь я иду в рай и, зная, что встречу там тебя, забываю о своем неуменьи и даю все, что могу. Забыв страх за свои силы, я иду в Египет, зная, что встречу там с тобой. Все это плохо и робко, но я надеюсь, что если ты не оставишь меня, я привыкну и буду лучше говорить на этом удивительном языке, совсем свободно и легко».²⁶

²⁴ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1174. Лл. 1—1об.

²⁵ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1182. Л. 2.

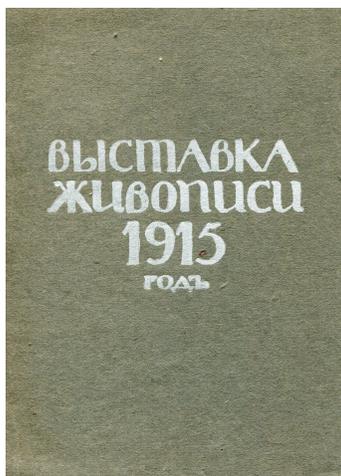
²⁶ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1167. Лл. 1об—2.

Выставка «1915 год»

...Шум большой и все ждут выставки...

К. В. Кандауров — Ю. Л. Оболенской 16 марта 1915

Кульминацией совместных творческих усилий стала выставка «1915 год», открытая в Москве 26 марта названного года. В организационном плане это был исключительно проект Кандаурова, который задумал представить публике новое искусство так некий мейнстрим, в рамках которого, как ему виделось, могут сосуществовать работы разного рода, но талантливые и яркие.

«Выставка живописи 1915 год». Каталог. М., 1915. ГЛМ

Действительно, события, сдвинувшие весь ход русской жизни с обычного пути, сдвинули и искусство. Оно оказалось в промежутке между прошлым и будущим: то, что еще недавно казалось актуальным, уже не находило отклика у зрителя, желавшего нового мироощущения и ждавшего чего-то другого от искусства. Публике явно наскучило современное состояние русского творчества и она ожидала от него более ярких и сильных впечатлений.

Кандауров отлично это понимал. Ядро выставки должны были составить художники «Бубнового валета», обладающие мощной взрывной силой: М. Ларионов, Н. Гончарова, И. Маш-

ков, П. Кончаловский, А. Лентулов, А. Куприн, В. Рождественский, Р. Фальк и др. Без них, считает Кандауров, не может обойтись ни одна современная выставка. И хотя «односторонность» «валетов» смущает Константина Васильевича, он надеется уравновесить их не менее интересными вещами М. Шагала, Л. Бруни, П. Митурича, Н. Альтмана и, новой «женской» живописью в лице Ю. Оболенской, Н. Лермонтовой, М. Нахман, Н. Любавиной, С. Толстой, В. Ходасевич, В. Шехтель. *«Выставка будет сильная и, если все будет так, как я хочу, то произойдет взрыв среди художественных об[ществ]. Середины не будет, будут или ругать, или хвалить. Лучше всех будут женщины-художники».*²⁷

Итак, художественное чутье и опыт галериста, ориентирующегося на новое, модное, современное, увлекло Константина Васильевича далеко в сторону от «Мира искусства», чьи интересы он представлял в Москве. Более того, его выставка оказывалась альтернативной по отношению к выставке «мирискусников», проходившей той же весной в Петрограде и куда приглашал Оболенскую Петров-Водкин. Поэтому Кандауров тревожится о том, как будет принят его проект, скрывая свое беспокойство за театральным жестом: *«(...) затеял я большое интересное дело на пользу молодым художникам, и если будет удача, то все генералы от живописи получат удар кинжалом по самую рукоятку. Не смейся над моей кровожадностью, т. к. это слова Островского...».*²⁸

Ю. Л. Оболенская. [Автопортрет с окнами]. 1914. Фоторепродукция. ГТГ

²⁷ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 420. Л. 1.

²⁸ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 407. Л. 1об.—2.

Замысел, как следует из переписки, возник прошедшей осенью, когда Кандуров обращается к Оболенской с просьбой о рекомендации ее товарищей по школе для участия в выставке и добавляет: «Если я что задумываю, то конечно все для тебя».²⁹

В задуманном живописном концерте Оболенская должна исполнять, конечно же, одну из ведущих партий. Поэтому Константин Васильевич так настойчиво и эмоционально убеждает Юлию Леонидовну в ее таланте, необходимости работать, быть уверенной в своих силах. Его письма этого периода — часто большого формата, прозванные за то «простынями» — отличаются даже не красноречием — особенной заклинающей интонацией: «Милая и дорогая девочка, меня пугает у тебя потеря веры в себя и в свою работу. Я не хочу об этом слышать и думать. Ты большой и сильный художник, а потому изволь знать, что все твои работы прекрасны. Если ты не бросишь свои сомнения, то мы не сможем ничего сделать. (...) пусть осенит тебя моя любовь, пусть охранит она тебя от невзгод и мелочей жизни и да благословит тебя Бог».³⁰

Юлию Леонидовну ее «первый бал» страшит. «Твою выставку считаю огромным и нужным делом, прекрасным, и желаю успеха самого необыкновенного. Верь мне, что если я боюсь принять участие, то только для ее успеха, а не по небрежности. Да ты знаешь сам, как мне дорого это понимание и как дело для искусства и как личное твое дело — вдвойне. Если бы у меня хоть имя было, я бы с такой радостью помогла тебе, а теперь мне страшно»³¹.

Но работает она много, и ее зал на выставке представляют полтора десятка работ. Среди них два новых автопортрета — в зеленом (в письмах он часто называется «зеленая кофточка») и «Письмо» (или «Январь»), описание которого, как всегда, выразительно и романтично: «(...) Знаешь, отчего — «Январь»? Под Рождество я ждала тебя утром в столовой. Над ослепительными крышами, золотистым с бирюзовыми тенями снегом неслись в солнечном воздухе клубы дыма как табуны синих лошадей — прямо на меня. В комнате от их приближения темнело, а они обрывались в бездну и опять на скатерти играли солнечные пятна — и опять рождались новые призраки из золотых труб. За окном было какое-то колдовство, а ты все не ехал.

²⁹ ГТГ ОР Ф. 5. Д. 296. Л. 1.

³⁰ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 408. Лл. 1об.—2.

³¹ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1053. Л. 3об.

Все томительнее становилось на душе. Ты приехал все же! И весь январь затем я не могла забыть того утра; да и часто повторялась та же картина какой-то колдовской жизни за окном, ослепительных холодных чар. Не знаю, понятно ли? У меня сделано не совсем так: очень облежены дымы, чтобы не лезли вперед. Они чуть заметны, легки, иначе слишком обратят на себя внимание. Опять вышло, что мои опущенные в письмо глаза открыты в этом окне — как твоя улыбка переведена в пейзаж»³².

Ю. Л. Оболенская. Письмо (Январь). 1915. Фоторепродукция. ГТГ

Впрочем, сентиментальные ноты сменяет смешливая интонация. В ответ на вопрос Кандаурова, как же все-таки должен называться портрет, Юлия Леонидовна пишет: *«Дорогой мой, рама на «Январь» заказана, а окрести его, как сам знаешь. Можно так: «письмо с передовых позиций» или «Приятное чтение» и т. п.»³³*

Несколько работ представляли «Игрушки в пейзаже» — так они поименованы в каталоге. В письмах эти вещи фигурировали как «Львы», два «Рая» и «Деревня», которая выглядела так: *«Церковь белая, избышки и сарай будут, березы и рябина в изобилии, в реках утки (желтые на синем) баба из реки несет воду поить тройку, а мужик ведет корову на водопой, а девки не пускают и смеются над его маленьким ростом. В центре Белотелова в натуральную величи-*

³² ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1203. Лл. 1—2.

³³ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1205. Л. 1об.

ну, а справа курица тоже в натуральную величину! Еще есть бараны. Все расставлено без мысли о реальности, но как и в 1-м «Раю» вышла какая-то перспектива без перспективы! Я нарочно не изменяла размеры и делала даже колесики»³⁴.

Из крымских работ — четыре этюда, один из которых «Виноград», и первый автопортрет, собственность Кандаурова. И опять ироничные замечания автора по поводу названий своих работ: «(...) неужели ты красный портрет назовешь «красным портретом»? Пожалей мою молодость: ведь у Петрова-Водкина был «Красный конь»! Кроме того, дорогой немчура, имей в виду, что в деревнях церквей не бывает, на то есть село! Красные пейзажи теперь могут быть с успехом названы «Коктебель. Двухкорная бухта, пострадавшая на днях от коварного нападения турок» или что-то в этом роде (...)».³⁵

Три натюрморты и «Окно» — фрагмент рабочей комнаты с пейзажем из окна петербургской квартиры — завершали экспозицию художницы на выставке. Все они, как уже понятно, детально и подробно обсуждались в письмах и при встречах, тяготея к стилистике модерна и были дороги обоим как некий живописный код их отношений. Из-за недостаточности места, а скорее, из деликатности, Кандауров отказался только от экспонирования собственного портрета.

Для первого представления художника подбор был, если не идеальный, то совершенно профессиональный и вполне достаточный. Да и ситуация, признаться, уникальная, когда вещи делаются по наставлению куратора и вдохновению художника, и являются живописным кодом их творческих и личных отношений. Документальный комментарий включает еще и иную «оперативную» информацию — о подготовке выставки и других ее участниках.

Оболенская — Кандарову. 10 октября 1914. Петроград.

(...) Ты пишешь о выставке. Ты же знаешь товарищей: Иванов, Грекова, Жукова, Магда. Из бакстовцев — Лермонтова. От-

³⁴ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1205. Л. 2.

³⁵ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1208. Л. 2.

ношение мое к их работам тебе известно, а большего тебе сказать не могу. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1051. Л. 1.

Оболенская — Кандаурову. 14 октября 1914. Петроград.

(...) Котичка, дорогой, мне страшно дорога и твоя выставка, я так хочу видеть тебя самостоятельным в этом деле. Не думай, что я легкомысленно отнеслась к твоему предложению, я считаю это прямо великим делом. Но тем более мне страшно портить ее — ведь имени у меня нет, а есть большое недоверие своим силам в этой области. Если я умалчиваю теперь об этом и много работаю — это для тебя: я знаю, что тебе приятно. Без тебя вряд ли бы я даже осталась при живописи — ведь у меня были попытки уйти не раз. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1053. Л. 3.

Кандауров — Оболенской. 15 октября 1914. Москва.

(...). Что же касается выставки, то без твоих вещей я буду работать без всякой энергии. У тебя нет имени, но имя приобретается только на выставках. А ты от них бегаешь. Отчего не выставить красного портрета? Что за причины такой строгости к себе? «Унижение паче гордости», говорят мудрые люди. Я этого не понимаю! Необходима вера в себя, в свое дело, в свои силы и т. д. и без этого невозможно ничего делать. Ты, как художник принадлежишь всем и не имеешь права прятать свое искусство. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 301. Лл. 1—1об.

Кандауров — Оболенской. 22 октября 1914. Москва.

(...) Относительно выставки пока сказать ничего не могу, т. к. это выяснится в половине ноября. Когда решу, тогда напишу Кузьме Серг[еевичу] и всем вам. (...) Твой портрет позволь выставить. Я уверен, что он будет на выставке великолепен. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 307. Лл. 1об.—2.

Кандауров — Оболенской. 1 ноября 1914. Петроград.

(...) После 10 ноября решится вопрос с выставкой, и если помещение останется за нами, то я с радостью окунусь в работу по устройству выставки. Думаю пригласить некоторых из «Бубн[ового] Валета», посмотрю, что есть и у других. Будет трудно, но зато буду в своем деле. Ты смотри, не раздай своих работ по другим выставкам, а то буду бранить мою милую разбойницу. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 317. Лл. 1об.—2.

Оболенская — Кандаурову. 2 декабря 1914. Петроград.

(...) Сегодня достала гвоздики и устраивала nature morte. Ничего не вышло, и я начала уже ненавидеть бедные цветы, как наконец пришла мне в голову одна идея. Завтра займусь ею. Это верно выйдет не то, чего тебе хотелось, но позволь мне сделать так. А потом напишу тебе и чашку, и всякие вещи, тебе приятные. Пока будет одна гвоздика и вот, поломай-ка голову — как я ее пристроила? Эскиз пришлю не ранее окончания работы. Одно: это будет вероятно не веселая вещь, как тебе хотелось. Но будет, кажется, занятно. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1095. Лл. 2—2об.

Кандауров — Оболенской. 16 декабря 1914. Москва.

(...) Был сегодня у Лермонтовой и видел несколько ее вещей.

Я нахожу, что она очень талантлива и настоящий живописец. Очень рад, если она будет участвовать на выставке. У меня чудное настроение и я страшно весел от ожиданий встречи с тобой. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 344. Л. 2.

Кандауров — Оболенской. 19 декабря 1914. Москва.

(...) Сегодня чуть не продал твой большой «Виноград». Был у меня один из пишущих в газетах и сказал, что ты восходящий талант и будущий крепкий художник. Он сознался, что первый мо-

мент подумал о подражании Водкину, потом увидел, что этого нет и что вещи прекрасные. Я рад был все это слышать. Но ты опять мне не поверишь, но я клянусь, пишу всю правду. Моя выставка состоится на Пасхе и это дело решенное, а потому очень прошу тебя поработать, чтобы я мог хорошо тебя показать. Ведь ты хорошо знаешь, что я все затеял исключительно для тебя, моя дорогая девочка. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 347. Лл. 1об.—2.

Оболенская — Кандаурову. 30 декабря 1914. Петроград.

(...) Моя «Зима» кончена, т. е. автопортрет с окнами. Забавная вещица — в ней что-то все-таки наколдовано — получилось какое-то внутреннее содержание помимо меня. Она — следствие твоих nature morte, но по-моему ушла дальше. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1123. Л. 2об.

Оболенская — Кандаурову. 9 января 1915. Петроград.

(...) У меня в голове опять масса новых идей насчет работы — уж очень хочется написать один свой портрет вроде того, что прислала тебе — только на масле и на фоне зимнего окна с солнечным снегом и клубами дыма — это мечта теперь. (...) С радостью помучаю тебя немножко для наброска городского портрета, подготовлю заранее.

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1137. Д. 1137. Л. 2—2об.

Кандауров — Оболенской. 9 января 1915. Москва.

(...) Меня огорчает у тебя, что ты так скоро охлаждаешь к своим вещам, но я верю, что это пройдет, как только ты крепко станешь на свой путь. В настоящее время, время исканий, конечно, у тебя мысли и желания искать идут далеко впереди твоих работ. Это пройдет и ты будешь любить свои работы. Ты знай,

что каждая твоя работа принимает твоё настроение и передает его зрителю. (...) Сегодня был в собрании молодых художников и Бурлюк наговорил мне хороших вещей. Было много курьезов, но потом все сказали, что моя популярность среди художников так велика, что пойдут все, кого я захочу. Буду безумно рад, если выйдет хорошая выставка. Ты должна участвовать и я надеюсь, что к тому времени у тебя будут ещё вещи, и ты меня поддержишь. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 363. Лл. 1—2.

Кандауров — Оболенской 10 января 1915. Москва.

(...) С выставкой много приходится лавировать среди болезненно самолюбивых художников. Очень много у них странностей и нетерпимости друг к другу. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 364. Л. 1об.

Кандауров — Оболенской 18 февраля 1915. Москва.

(...) Твои письма для меня как жизнь. Я не в силах платить тебе тем же, а потому не будь строга. С моей выставкой соединится какое-то большое дело, но я ещё не могу уловить ход надвигающихся событий в жизни искусства. Я стою на острие и не знаю, увернусь или нет. Во всяком случае, или будет успех и сдвиг, или все лопнет как мыльный пузырь, сверкнувший не солнце всеми цветами радуги. Дело интересное, и я не ожидал, что будет такой переворот! Да будет ли? Мне нужно будет иметь большой разговор с С. И. Щукиным, и этот разговор назревает давно, но не было подходящего момента. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 403. Лл. 2—2об.

Кандауров — Оболенской 20 февраля 1915. Москва.

(...) Милая девочка, я был у своего старого друга М. Ф. Ходасевича, у него чудный музей икон, картин, фарфор, хрусталь и огромная библиотека по искусству. Его дочь прекрасная и крепкая художница будет участвовать на моей выставке. Когда ты

приедешь на Пасхе, мы пойдем к нему, и ты насладишься хорошими вещами. Треть вещей музейных и в хорошем состоянии. Мы проведем хорошо время. Его дочь тоже будет в это время в Москве и ты с ней познакомишься. Она постоянно живет в Петрограде. Я начинаю убеждаться, что необходимо будет создать об-во новых живописцев и это будет хорошим делом. Надвигается что-то необыкновенно хорошее и крепкое. У меня голова горит от мыслей, и я просто не верю, что Бог услышит меня и даст осуществить всю мечту моей жизни. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 405. Лл. 2—2об.

Кандауров — Оболенской 24 февраля 1915. Москва.

(...) Выставку открою на Пасхе. Много идет разговору и многие хотят в ней участвовать. Москов[ское] Т-во, узнав о моей выставке, перенесло свою на 1е марта. (...) Сегодня собираемся у Лентулова и будем решать последние вопросы. Сегодня был у меня один из членов совета Третьяковской галл[ереи] и очень хвалил твои два портрета, твой и мой, упорно называя тебя очень талантливой. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 410. Лл. 1—2.

Кандауров-Оболенской 27 февраля 1915. Москва.

(...) Слишком острый момент наступил в моей работе для искусства, и я стою в опасном месте. Успех или провал? Меня задавил своей односторонностью Бубновыи Валет, а без него нет молодого искусства и без него невозможно сделать большую выставку. Я хочу назвать свою выставку так: «Выставка русской живописи 1915 год» или просто «Выставка живописи 1915 год. Как лучше? (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 413. Лл. 1об.—2.

Кандауров — Оболенской. 5 марта 1915. Москва.

(...) С какой радостью я вынимал сегодня из ящика одну за другой твои вещи. Было прекрасно. Будь же умницей моя доро-

гая и не тревожь себя напрасными мыслями о невзгодах жизни. Все так хорошо! Сама жизнь прекрасна, хотя никогда не проходит без мук и страданий. Была бы радость, если бы их не было. «Январь» должен быть молод и силен как первый месяц нового года и ты дашь свежесть и задор молодости.(...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 420. Лл. 2—2об.

Оболенская — Кандаурову. Б. д. (6) марта 1915. Петроград.

Ура, мой дорогой: «Письмо» окончено! И теперь я навеки вечные улыбаюсь, читая твои каракульки, держу в руках твой исполосованный почтой конверт, а за окном несутся мои январские мысли над золотыми трубами. У меня только страх, что будет долго сохнуть — даю сроку, пока пишу деревню, а там отправлю мокрое, мама обещала набить планки, чтобы не размазать в дороге. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1202. Л. 1.

Кандауров — Оболенской. 8 марта 1915. Москва.

(...) Если бы не ты, не твоя любовь, не твоя работа, то не стоило жить и делать то, что я делаю. Все, что я теперь затеял, все это для тебя. Если судьба мне улыбнется, и я достигну того, чего хочу, то это будет мне наградой за все муки моей жизни. Слишком дорого мне досталось заглушить в себе жажду творческой деятельности и желание приносить людям счастье. Бог с ним, с этим прошлым — он услышал и послал тебя на моем пути. Благодарю тебя всем сердцем и всей душой за то, что ты одна поняла меня и не отбросила, как странного человека, а протянула руку и помогла мне. Милая детка! Разве это не связало нас на всю жизнь? Я думаю, что это разбить невозможно. У меня твердое убеждение, что наступит время и нас с тобой поймут и оценят. (...) Сарьян видел Белотелову и зеленый портрет и в большом восторге, остальных вещей не показывал, т. к. они без рам. Он тоже дает мне на выставку вещи. Вот будет взрыв среди генералов Мир[а] Иск[усства]! (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 423. Лл. 1—2.

Кандауров — Оболенской. 11 марта 1915. Москва.

(...) навезли бесконечное количество картин и я теперь не знаю, что с ними делать. Моя проклятая доброта много портит и я перегружу выставку. Одно хорошо, что это даст опыт для будущего. Будут ошибки, но я постараюсь их в будущем исправить. Ничего не дается легко и до всего надо доходить опытом. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 427. Л. 1.

Оболенская — Кандаурову. 15 марта 1915. Петроград.

(...) Вещи вчера высланы, что-то скажешь о них? В комнате пустынно, по стенам бродит солнце — квадратами и треугольниками; за окном коктейбельское небо в барашках. Душа куда-то рвется — Бог весть куда. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1212. Л. 1об.

Кандауров — Оболенской. Б. д. марта 1915. Москва.

(...) С выставкой почти все наладилось и думаю, все буде хорошо. Я снял из каталога свой портрет, т. к. он окончательно убит и зеленым и письмом. Ты не сердись дорогая, т. к. это будет для тебя выгодным. В среду начнем свозить вещи, а в четверг начнем развеску. Шуму будет много. Налаживается скандал с Маяковским, но я решил поступить круто и не допущу на выставку трюков. Ты будешь представлена чудесно, и уже о твоём портрете говорят как о выдающейся вещи. Критики видели твои вещи у меня и в один голос хвалили. (...)

ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 434. Л. 1.

Оболенскую на выставке заметили — отзывы о ее работах были весьма одобрительные. И в целом выставка имела широкий резонанс, но избежать «трюков» не удалось. В истории она осталась шумными выступлениями футуристов и скандалами вокруг их работ. Константин Васильевич, жаждавший открывать новые имена и содействовать талантам, впервые столкнулся с си-

туацией, когда эти таланты не слишком и нуждались в поддержке и опеке. *«С выставкой много приходится лавировать среди болезненно самолюбивых художников. Очень много у них странностей и нетерпимости друг к другу»*³⁶.

Как отмечает в набросках по памяти Оболенская, «футуристы» воспользовались болезнью Кандаурова на последней неделе развески картин, «понатащили всякого» и перессорились друг с другом. Скандалы вокруг выставки послужили хорошим пиаром левым художникам, имена других — в частности, женские — остались в тени. Лермонтова даже обиделась на Кандаурова за неудачное «соседство» с живописью, которую таковой, по ее разумению, невозможно и считать.

Мнение Оболенской было иным: *«Я думаю, что футуризм — дрожжи. Вряд ли кто их ест самих (ты, кажется!), а значение они имеют. Другие художники должны бы пользоваться этими дрожжами для дела и не «бороться» с ними, как Лермонтова, на словах. Сегодня нужнее, чем вчера, и нужно уметь не сдавать перед сегодняшним днем. Лермонтовы воображают, что рядом с футуризмом могут выдержать только подобные же вещи и что если у Татлина ножка кресла, то, чтобы не потеряться возле него, нужно целый буфет прибить. А я думаю, что всякая живопись с элементами вечности, т.е. жизнеспособная, будет и современна, так как «сегодня» тоже часть вечности. А чем она глубже по чувству и блестящей по выражению самой себя, тем убийственнее для слабых сторон футуризма. Поэтому соседство футуристов прекрасный показатель жизнеспособности и только! Я уверена, что можно висеть и не теряться с самыми забористыми вещами, если только употребить всю полноту своих возможностей. Все остальное показывает нашу вялость и комнатность. Лермонтова теряет не от того, что футуристы убивают все нелепостью, а оттого, что их современность бьет отсталость. Современность бьет отсталость, а вечности побить не в силах, т. к. сама является ее маленькой частью»*³⁷.

Суждение вполне зрелое, с довольно жесткой самооценкой. К тому же — не ретроспективное, вдогонку оцененному, и не внешнее. Да, объемно-пространственные абстракции, сделанные и составленные из различного рода материалов и предметов —

³⁶ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 364. Л. 2.

³⁷ ГТГ ОР. Ф. 5. Д. 1219. Лл. 3—3об.

лучин и веревок, железа и дерева, с использованием фрагментов и готовых вещей и т. д. — разрушали предметные основы искусства, освобождались от них безжалостно и бесцеремонно. И это динамичное, конструктивное, антиэстетическое и откровенно мужское творчество заставило говорить о себе гораздо больше, нежели созерцательно-женское, без дерзости и насмешки, но, все же, — искусство.

Урок «1915 года» в том и состоял, что эстетическая всеприемлемость художественных «языков» и стремление к выраженной обособленности, когда-то возможные на выставках «Мира искусства», перестали устраивать и самих экспонентов, и публику. Идея передового отряда в искусстве уже вполне оформилась, и не только прошлое подлежало сбросу с корабля современности, но и настоящее, если оно не соответствовало формату авангарда.

Впрочем, в пространстве культуры лишнего не бывает. И то, что кажется сентиментальным и «комнатным», не слишком актуальным или приевшимся современникам может найти своих благодарных почитателей среди пресытившихся его противоположностью потомков.

«Письменная» история выставки «1915 год» добавляет эпатажному явлению авангарда лирические краски, открывая стоящие за ним женские лица и замысел автора — Константина Васильевича Кандаурова.